

Сын Рима

— Это всегда так? — спросил я девушку в шелках с солнечными лучами. Я неопределённо помахал рукой, охватывая весь павильон для отдыха. Её губы скривились – единственная черта лица, не скрытая золотой вуалью.

— Более или менее, — сказала Селена, тихо вздохнув. — Обычно это не так вопиюще вне праздников и торжеств. Смерть кириоса оставила всех на взводе.

Я наблюдал как пара мужчин с обнажённой грудью держат третьего вверх ногами, пока три женщины в прозрачных шелках бросают ему в рот виноград.

— Похоже на то.

— Они отвлекают себя как могут, — сказала Селена. — Культ не в порядке, и они это знают. Они ищут безопасность в количестве, и под солнцем. Здесь, под открытым небом, в окружении своих сверстников, они могут расслабиться, не опасаясь падальщиков.

Воробы. Мои глаза сузились, ярость нарастала. Я презирал их. Гай не раз страдал от крыс в свою бытность как генерал запада, они кусали его за пятки и нападали из темноты. Это была причина, почему он никогда не спал.

— И всё же, — ворчал я. — Они могли бы лучше потратить своё время.

— Они молоды, — сказала Селена, откинувшись на подголовник своей кушетки. — И они напуганы. Неуверены. Это разочаровывает, но разве ты можешь винить их за то, что они ищут облегчения в простых отвлечениях? — Да. Я могу. Большинство действительно развратных культиваторов на этом плато были старше меня.

Я взглянул на Селену, ухмыльнувшись со слабым весельем: «Мудрые слова для пятнадцатилетки».

— Внешность бывает обманчива, культиватор. — В её улыбке было что-то воздушное, мистическое.

— Бывает, — признал я. — И твоя?

— И моя тоже. Я могу выглядеть только на пятнадцать лет, но правда не может быть дальше. — Она провела рукой по своему лицу и наклонила голову, чтобы показать склон, поцелованной солнцем, шеи. — На самом деле мне шестнадцать.

Я фыркнул от смеха. Селена снисходительно улыбнулась.

— Моя ошибка, — признал я. — Что привело мудрую женщину в такое место?

Селена наклонила голову ещё больше. Золотистая вуаль, закрывавшая её лицо, чуть сползла, обнажив мягкий наклон челюсти. Её глаза оставались закрытыми, но я мог представить как они смотрят на гору и город-святилище внизу.

— В количестве есть сила, — печально повторила она.

Куда бы ты ни пошёл, подонки всегда будут подонками: «Эти Воробы, — сказал я медленно. — Их манёвры. Неужели всё так плохо?» — Я боролся с собой, пока говорил. Две ночи назад я

уже вовлѣк себя за грань разумного. Если верить Скифасу, Тиран хотел меня видеть из-за этого. Я не мог позволить себе копать глубже. Но даже так.

— Они не самое худшее, — сказала она, покачав головой. — В основном они действуют по ночам. Это параноя, которую они вызывают просто своим существованием. Подозрительность. У старейшин всегда были способы соперничать друг с другом за закрытыми дверями — Олимпия не пережила бы прямого столкновения. Но это никогда не было настолько вопиющим.

— Кириос держал их в узде, — догадался я.

— Держал. Было известно, что в его залах не допускается причинение длительного вреда, не говоря уже о смерти. Были манѣвры, были показы силы, но мистики могли ходить ночами по ступеням Каукосо Монс без страха.

— Но теперь кириос мѣртв, — сказал я, оглядывая павильон более пронизательным взглядом. Увидел ли я это сейчас, потому что ожидал увидеть, или это было всегда, но теперь я видел напряжение. Напряжение в каждом буйном мужчине, женщине и ребёнке. Оно доводило их до чрезмерности. Оно лишало их чувств.

— И никто не знает, кому можно доверять. — Селена кивнула. — Действия против теневых игр, только сделают тебя мишенью. Полностью отказаться от участия в них — значит оскорбить старейшину твоего города. Бушующее Небо было совершенно не готово к смерти кириоса, и теперь оно страдает из-за этого.

— Сколько времени потребуется, чтобы всё разрешилось? — спросил я, осознавая масштабы происходящего. Культиваторы были возвышенным существом, способным на такое, о чем варвар и обычный человек не могли и мечтать. Чем выше они поднимались по божественной горе, тем сильнее становилось это разделение. А две ночи назад я видел как Героев гоняли по улицам, словно собак. Что-то подсказывало мне, что дальше будет только хуже.

— Я не знаю, — призналась Селена. — Что касается политики, у меня есть только слова моего отца. Посторонним мало что рассказывают о таких вещах.

— Посторонним? Ты не посвящённая?

— Бушующее Небо принимает только лучших, — сказала Селена, наклонив голову ко мне. — Культиваторы, которые доказали свою исключительность сверх всяких обычных мер. Неважно находятся они в Гражданском, Софическом или Героическом царстве, недостаточно быть просто сильным или иметь хорошие связи. Ты должен быть значимым — твоя история должна быть достойна быть услышанной.

— Но ты всё равно живёшь здесь, — размышлял я. Скифас упоминал о жилье для гостей, я полагаю. Мои глаза блуждали, а в голове кипела остальная часть сказанного ею. Это звучало неправильно. — Не могу сказать, что мне интересно услышать какие-либо из показанных здесь историй.

— Это потому, что ты не знал их до того как они присоединились. — В её голосе было что-то сильно тревожное, какая-то печаль в том, как её пальцы поглаживали золотую филигрань солнечных лучей, вплетѣнную в её тунику. — Культы великих тайн существуют для многих целей, и их престиж неоспорим, но в конечном итоге это искусственные институты. И как начинающий Герой может очистить свою душу без соответствующего конфликта, чтобы

направить их?

Это мнение было знакомым. За моё время в Розовой Заре я слышал подобное достаточно часто: «Ты не хочешь вступать в этот культ, даже если бы могла», — заметил я. Селена задумчиво улыбнулась.

— Я люблю своего отца и свою мать, — пробормотала она. — Но бывают дни, когда я не могу не задаваться вопросом, на что похожа жизнь, когда ты живёшь ею сам, а не опосредованно. Теперь, когда кириос мёртв, боюсь, что таких дней будет всё больше и больше.

Я нахмурился, опуская оливки обратно на тарелку. У меня пропал аппетит.

— У тебя здесь не так много друзей, не так ли?

— Как жестоко. — Селена приложила руку к груди. — Что меня выдало?

— Ты бы не стала со мной разговаривать. Кроме того, каждый человек на этом плато избегает этого угла с тех пор как ты села. — Я бросил оливку в павильон. Она попала в ухо Философа, который ранее наблюдал за мной, оценивая меня для драки. Мужчина вздрогнул, но не повернулся. — Они боятся даже посмотреть.

Селена молчала.

— Может быть, ты и не член культа, — сказал я. — Но твой отец — да. И он достаточно известен, чтобы распространить своё влияние на тебя. — Кусочек за кусочком я собирал мысленный образ этого места и его людей. Внешне они во всех отношениях отличались от Розовой Зари. Но в основах? Они всё были одинаковы.

— У тебя есть глаза, культиватор, — мягко сказала Селена. — Так скажи мне, где находится Олимп Монс?

Я оглянулся, встретившись, сквозь тонкую вуаль, с затемнённым силуэтом её глаз.

— Не здесь.

Прежде чем она успела ответить, небо расколол резкий крик, и мистики Бушующего Неба повернули головы, чтобы увидеть как с неба выстреливает теневой болт. Он кружился и кренился в воздухе, с презрительной лёгкостью уклоняясь от брошенных кубков и снарядов пневмы.

Я протянул руку, и на неё с удивительной силой опустился орёл-посланник Рима, когти обхватили мою руку с обманчивой осторожностью. Достаточно острые, чтобы пустить кровь, но достаточно устойчивые, чтобы этого не сделать. Он щёлкнул клювом, его острые глаза были прикованы к моим выброшенным оливкам. Я собрал их обратно и протянул хищной птице раскрытую ладонь. Он щелчками закидывал их себе в клюв одну за другой, каждый щелчок был достаточно сильным, чтобы оторвать человеку палец, но он ни разу не порезал меня.

— Что это? — спросила Селена, поражённая.

— Посланник из Рима, — ответил я, проводя тыльной стороной свободной руки по гребню его крыла. Орёл взъерошил перья, довольный таким вниманием. Я ухмыльнулся.

— Ты из Рима? — Я поднял бровь от внезапной заминки в её голосе.

— Да.

— Я никогда раньше не встречала никого из Рима, — призналась она с едва сдерживаемым волнением. Она наклонилась вперёд на своей кушетке, положив обе руки на край её обивки. — Прямо через море! Ты, должно быть, видел столько удивительных мест, прежде чем приехать сюда.

Я вспомнил походы Гая. Горные цепи Галлов, коварные высоты и измученные войной долины, Шварцвальд, раскинувшийся через целые страны. Замёрзший север, с их закрученными Кельтскими символами, высеченными на камнях, посаженных на их полях и приземистыми деревьями, сгрудившимися вокруг морей. Даже мерзкие болота и жалкие сырые равнины Британии.

— Ты даже не представляешь, — сказал я ей. Она засветилась ещё больше. Это было странно, видеть внезапно переменную в её поведении. Немного очаровательно, но странно.

Меня отвлек рвотный звук, и я повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть как орла вырвало в мою раскрытую ладонь. Я сморщил нос. Но, к счастью, вместо пюре из оливок и завтрака, которым я кормил его в начале дня, в мою ладонь упал свиток свёрнутого папируса. Я на мгновение уставился на послание, затем снова на птицу.

— Это должно быть вокруг твоей ноги.

Орёл резко каркнул, щёлкнув клювом.

— Он что, только что... усмехнулся тебе? — удивлённо спросила Селена.

Я посмотрел на птицу: «Да».

Чудесным образом послание не было покрыто желчью, несмотря на то, откуда оно пришло. Я развернул его, с любопытством, и закатил глаза, увидев характерный почерк, нацарапанный на клочке одной из звёздных карт Скифаса.

Здравствуй, брат,

Молюсь, чтобы это послание дошло до тебя быстро и в добром здравии, хотя я не ожидаю многого от беспородной Римской птицы. Но если это произойдёт, то найди меня там, где после заката сходятся звёзды и небеса опускаются на землю.

Приходи один. Нам нужно поговорить.

Птица тоже может прийти, я полагаю. Его зовут Сорейя. Я назвал его для тебя, раз уж ты не смог сделать это сам.

Никчёмный Римлянин. Всегда пожалуйста.

Грифон

Я смял письмо в кулаке. Меня едва можно назвать даже новичком в наблюдении за звёздами, но у меня было хорошее представление о том, где искать. Судя по формулировке и части звёздной карты, которую он использовал в качестве полотна для послания, я смог бы его найти.

— Сорей, — подумал я, рассматривая орла. Он выжидательно склонил голову. — Тебе нравится это имя? — Мог ли он вообще понять меня?

Сорей сжал мою руку, когти впились в кожу в опасной близости от того, чтобы пустить кровь, а затем он взлетел со скоростью, намного превосходящей скорость любого обычного орла.

— Это было "да"? — крикнул я ему. Он резко вскрикнул и в следующее мгновение исчез.

Я встал со своей кушетки, размял плечи и посмотрел вниз с горы. Солнце скоро зайдёт, вечерние тени, отбрасываемые горой, уже накрыли большую часть города-святилища. Над головой зловеще грохотала Буря, Которая Никогда Не Прекращалась. Лучше начать прямо сейчас. Мне придётся забрать мою одежду позже.

— Подожди. — Я удивлённо посмотрел вниз, на руку, сжимающую моё индиговое одеяние. Селена посмотрела на меня, заметно смущаясь, несмотря на то, что я не мог видеть большую часть её лица.

— Мне нужно встретиться с другом, — сказал я ей. Она прикусила губу.

— Солус, — сказала она нерешительно. — Ты ведь тоже не член Бушующего Неба, не так ли? — Я обдумывал и её, и вопрос. Моим первым инстинктом было солгать. Поэтому мой второй инстинкт.

— Нет.

— Тогда не могли бы мы поговорить ещё раз? — спросила она. — Я бы хотела услышать о местах, где ты побывал.

Я вздохнул и уступил: «Если сможешь найти меня».

Селена лучезарно улыбнулась.

— Я найду.

Первой моей заботой было покинуть культ, но в итоге это не оказалось проблемой. Стражники у ворот, ближайших к городу, сразу же узнали меня. Но вместо того, чтобы потребовать моё имя или как я приобрёл свой индиговый наряд, они лишь понимающе усмехнулись и посоветовали мне на этот раз быть полегче в клубах. Преимущество наличия друзей в высших кругах.

Я последовал своей интуиции и подсказке, которую дал мне Грифон, пока солнце опускалось за вечно грохочущий пик Каукосо Монс. Я шёл по улицам Олимпии, не обращая внимания на почтение и тихие слова похвалы, которыми осыпали меня её жители. Они считали меня посвящённым Бушующего Неба. Но всё равно это было больше, чем даже Грифон получил, гуляя по улицам Аликоса. Слишком много.

Я бродил, и солнце полностью упало с неба. В конце концов, я остановился на неприметной улице в одном из восточных жилых районов Олимпии. Я посмотрел прямо вверх и увидел созвездие, которое Грифон взял из звёздной карты, – Немейского льва, звезда его хвоста изгибалась в соответствии с путём падения солнца. Это было оно.

Грифона, конечно, нигде не было. Опаздывает, как и всегда. Я присел на террасе одного из жителей и смирился с долгим ожиданием.

Приглушенный свет сумерек уступил место настоящей ночи. А он всё не приходил. Наконец, я нахмурился и встал.

— Звёздные карты и загадки, — пробормотал я, сплёвывая от отвращения. Просто скажи мне, куда идти, никчёмный Грек.

— Сэр, — произнёс нерешительный голос. Позади меня из щели в двери своего дома выглянул молодой мальчик. — Вам нужна помощь? — Что ж, просто спросить не повредит.

— Где сходятся звезды? — спросил я его. — В какой момент небеса спускаются на землю?

Мальчик уставился на меня в недоумении, а потом его не стало. Отдёрнув его за плечи, мужчина занял его место в прихожей. Его отец низко наклонил голову ко мне, его осанка была жёсткой.

— Я прошу прощения за своего сына, уважаемый Философ, и молюсь на ваше понимание. Этой весной ему исполнилось всего пять лет. Мы ещё не подготовили его к суровостям философии. — Он был напряжён, болезненно нервный.

Я просто хотел направление.

Сорея закричал над нашими головами, тёмный отпечаток на небе. Он пронёсся мимо как стрела из лука, низко пролетев над мраморными колоннами и черепичными крышами города. Это было лучше, чем ничего. Я кивнул взволнованному горожанину и его сыну и ринулся вслед за орлом так быстро, как только могли нести меня мои ноги.

Орёл вёл меня по знакомой дороге из алого кирпича и разрушений, туда, куда мы с Грифоном пришли, когда впервые вошли в город. Поглощая пейзаж своими шагами, я думал о том, не слишком ли много я ожидаю от птицы, и не собирался ли я вернуться в море. Но не успели мы дойти до побережья, где находился маленький портовый город Олимпии, как Сорея нырнул влево и по спирали спустился в пелену знакомого монумента.

Одно из восьми чудес света, как называл его Грифон. Массивный храм с открытым лицом и ещё более массивной статуей, возлежащей под навесом. Храм отца.

Я нашёл Грифона внутри, он сидел на краю приподнятой платформы, служившей одновременно и опорой, и прудом, и ловившего тонкие струйки оливкового масла, стекавшие со статуи. Во второй раз отец был столь же впечатляющим зрелищем, как и в первый. Титанический, сверкающий в свете факелов и пылающих мангалов, освещавших храм ночью.

— Ты опоздал.

— Я бы не опоздал, если бы ты сказал мне, куда идти. — Наверху Сорея устроился на плечах отца, широко хлопая крыльями. Я кивнул в знак благодарности.

— Я сказал. Если бы я всё растолковал, а твою птицу перехватили, я бы сейчас был в тяжёлом положении.

Что-то было в его голосе. И в его осанке тоже, теперь, когда я посмотрел. Я сразу понял, что это было. Он снова был беспокоен. То вялое удовлетворение, которое волнами скатывалось с него с тех пор как мы спустили паруса Эоса, исчезло, а на смену ему вернулся голод. Три дня. Этого хватило на дольше, чем я ожидал, честно говоря.

— Что случилось? — спросил я. Он скрестил руки на голой груди. Золотая туника, которую, по его словам, он взял у старухи, была обёрнута вокруг его талии и служила импровизированным ранцем для куска чего-то, что я не мог разглядеть.

— Я говорил с Оракулом, — сказал он, добавив после этого, — из Разбитого Прилива.

Я хмыкнул: «Это был культ большого, не так ли? Кайно, тот, что с крокодиловой кожей».

— Именно этот, — сказал он, сжимая челюсть. Он не был зол. Нет, это было более сосредоточенным, чем злость. Теперь в нем был тёмный голод. — Она угрожала мне невзгодой.

— Ты уже опоздал на одну, — сказал я, прислонившись к возвышенной опоре. Она была достаточно высокой, чтобы я мог опереться на неё предплечьями, не сгибаясь. Пруд с оливковым маслом мерцал в свете факелов, отражая необъяснимый свет звёзд, выгравированных на потолке храма. — Что ещё?

— Она упомянула Аликос: «Вы, алые сыны, все одинаковы», — процитировал он. — А до этого я обменялся мнениями с несколькими будущими Философами Бушующего Неба. — Я фыркнул. Я мог себе представить, каково рода мнениями они обменивались. Такими, от которых остаются синяки и сломанные кости. — Они рассказали мне кое-что интересное о моем скромном доме.

Он сказал мне, и мои брови поднялись: «Отрезан от Средиземноморья? Как это может быть? Твой тузен уже много лет провёл в путешествиях».

— Не только это. Иностранцы сановники посещают нас десятками каждый год. — Грифон оттолкнулся от опоры и начал расхаживать туда суда. — Большинство приезжают из подконтрольных территорий Великой Греции, конечно, но не все. Это не имеет смысла.

— Спроси кого-нибудь из членов Розовой Зари, — предложил я. — Это связующее звено вольных городов, не так ли? Может, мы и первые делегаты, "присланные" на Игры, но наверняка есть старые члены Бушующего Неба, которые приехали с твоей стороны Ионии.

— Ты забыл, что мы в бегах? — спросил Грифон, глубокомысленно нахмурившись. Невидимые глазу, но яркие как день для чувств культиватора, руки панкратиона массировали его виски и плечи, снимая напряжение как могли.

— Прошло всего три дня с тех пор как мы ушли, — рассуждал я. — Они могли ещё не услышать.

Грифон покачал головой: «Нет. Они знают. Мы должны сами разобраться в этом».

— И как ты собираешься это сделать?

Яростное предвкушение сверкнуло в алых глазах: «А как иначе? Мы будем рыться в отбросах».

Мои губы приподнялись в усмешке. Я должен был догадаться: «Я отказываюсь».

— Хо? От чего отказываешься?

— Я отказываюсь красться вокруг как Ворона, ковыряясь в трупах и отбросах. — Тихое отчаяние, с которым говорила девушка в золотой вуали, и вездесущая тревога, которую я видел в мистиках Бушующего Неба. Это было не то, в чем я был заинтересован.

— У нас нет выбора, — сказал он, пожав плечами. — Мы не можем оставаться здесь на обычных условиях. Мы привлекли слишком много внимания.

— Из-за тебя.

Грифон усмехнулся: «Не мои действия привели к тому, что ты попал в поле зрения Тирана. Кстати, как прошла та встреча? — Я молча смотрел на него. — Я так и думал. Неужели ты думаешь, что можешь вечно игнорировать старейшину без того, чтобы он не ответил на оскорбление? Думаешь, мы можем продолжать делать то, что хотим, среди бела дня, беспрепятственно? Конечно, нет. Верха слишком заняты, чтобы самим разобраться с нами, но у них есть другие средства».

— Мы можем снять комнату в городе, — упрямо сказал я. — Или даже остаться за его пределами. Я не боюсь спать в грязи.

— Я уверен, что ты не боишься, — презрительно сказал он. — Но это тоже не работает. Мы уже стали мишенями, и поэтому мы не можем позволить себе быть пассивными. Пока Вороны на свободе, единственное место, где мы можем спрятаться, — это среди них.

Грифон перестал расхаживать, и все двадцать его панкратионовых рук напряглись в предвкушении. Он свирепо улыбнулся.

— Начиная сейчас.

Таким образом обнаруженные две Вороны выскочили из пруда с оливковым маслом.

<http://tl.rulate.ru/book/93122/3300325>